

Бойка

— Кать, здравствуй! А племяш где? — неторопливо проговорил Сашка, проходя согнувшись в дверь, и остановился, не зная, то ли просто протянуть ей руку, то ли обнять по-родственному.

Давно не видел он её, вновь любовался её ладной фигурой удивительными синими глазами.

— Сколько лет, сколько зим, Александр Михайлович запела, заворковала Катерина — Да проходи ты прямо к столу, как раз к обеду поспел. Сейчас я Шурика покличу.

Резво промчалась она мимо Сашки, обдав запахом здорового женского тела и свежевыглаженного белья.

Небольшого росточка, улыбчивая, несмотря на горе горькое (муж Пётр, родной брат Сашки, как в воду канул в тридцать седьмом году), памятью о брате — трое сватались — не пошла — была она дорога Сашке. И племянника он любил и в редкие приходы брал его с собой на рыбалку и за грибами, приохотил к реке и лесу.

Семь лет мальчонке, похож на мать, а что-то неуловимое и в походке, и в ухватке, и в усердии к делу от отца осталось.

А вот и племяш влетел стремглав, на шее у Сашки повис. Затормошил, зацеловал, слова промолвить не дал и как о самом главном:

А Бойка где? Не болеет?

Да здорова! Что ей сделается.

На краешке стула пострел сидит, ногами перебирает, словно и за столом всё бегом, глазёнки серые сверкают.

«Сколько энергии!» - дивится Сашка.

Катерина мигом стол накрыла. Щи из зелёной капусты молоком забелила, хлеба в тарелку подрезала и тоже села, но так, что в любой момент вспорхнуть могла. Кромкой передника незаметно смахнула пот со лба, посматривая и сыном, и на Сашку вопрошающе взглядывала, ждала, скажет, зачем пришел.

"Не такой Сашка человек, - подумала она, - чтобы зря ноги бить экую даль".

Сашка первый прикончил щи, отставил тарелку, а Катерина тут же наскоро ополоснув её, наложила со стогом дымящегося картофельника. Сашка отложил ложку, пользуясь тем, что картофельник был горяч, заговорил, глядя Катерине прямо в глаза:

— Кать, я ненадолго. Мне послезавтра в военкомат, а Бойку девать некуда. Может, возьмёшь?

— Возьму, Александр. Только место ей надо устроить — тотчас же откликнулась Катерина.

Сделаем непременно с племяшом, — благодарно сказал Сашка.

Спасибо тебе, Кать. Я так и знал, что ты не откажешь.

И взглянув на племянника повеселевшими глазами, сказал радостно:

— Мы ей такое отгрохаем, что закачаешься. Правда, Шурок?

Племянник так и подпрыгнул на стуле:

— Бойка теперь у нас будет!

Он целый год до этого приставал к матери: «Заведём собаку, мам? Буду на охоту ходить, как дядя Саша».

Мать отговаривалась: «Мал ещё. Какой ты охотник: вороны на гнездо утащат. А собака пропадёт, загубишь ты её».

Но Шурик не отступал. И мать стала уже присматривать щенка. Один раз даже принесла чёрного с белыми пятнами кутёнка Ружьё игрушечное — подарок отца - давно у Шуры было.

И вот как-то утром она ахнула. Шурик сам рано встал, надел курточку, обул отцовские сапоги. Перекинул ружье. Навязал щенка на верёвочку и степенно зашагал по березовой аллее. Глаза его сияли таким восторгом, что мать ни слова не сказала ему. Не знала она, что именно в это утро в душе мальчика родилось то, что называем мы одним словом: «Охота», что он стал охотником и теперь будет нести её сладостное бремя всю жизнь. Но щенок заболел и его не стало...

После обеда Сашка с племянником за дело принялись. Выпилили отверстие под крыльцом, дверку смастерили и навесили. Кольцо для цепи прикрутили. За соломой дважды сходили на ржаное поле.

— Ты, Шурок, поразровняй соломку-то, — говорил Сашка племяннику, подавая охапку золотистой мягкой соломы, ещё сохранившей запах поля и солнечного тепла. — Бойка любит, чтоб мягко и тепло было.

Шурик старательно обминал солому в самом углу.

— Молодец, Шурок! — похвалил дядя племянника и скомандовал:— Вылезай!

Тот на четвереньках выбрался из-под крыльца. Счастливые, они долго стояли в обнимку, решили, что Бойке место понравится.

Не шёл — летел Сашка домой. Что молодому парню-охотнику тридцать вёрст? Разминка, не более! Подходя к дому, ещё издали услышал: Бойка тоненько поскуливала.

Первым делом накормил её. Пока она ела, Сашка стоял, и сердце его кровью обливалось. Жаль, ох как жаль было ему расставаться с верной помощницей и другом.

Бойка, словно понимая, как тяжело Сашке, перестала есть и взглянула на него.

«Что пригорюнился, хозяин?» — словно говорили собачьи тёмно-карие очень живые глаза. Она насторожила острые, будто точёные, ушки. Грудка с белым галстучком, на лапках — такие же носочки, хвост крутым кольцом на бедре лежит. Невелика собачка, а мила. Нагнулся Сашка, погладил лоснящуюся спинку. Бойка завильяла хвостом:

«Что, хозяин, стряслось с тобой? — говорил её взгляд. — что-то ты ласков сегодня?»

И вспомнил Сашка день, когда увидел Бойку.

На собрании в районной заготконторе вручили ему, как лучшему сдатчику пушнины, денежную премию, поблагодарили за усердие. А потом представитель из области приподнял, чтоб все видели, жизнерадостного щенка и сказал:

— Александр Михайлович Горин, лучший охотник-промысловик области, награждается породной лайкой. Паспорт прилагается!

И протянул его Сашке. Тот слова в ответ не мог сказать, зарделся, что красна девица, переминаясь с ноги на ногу. Взял он и спрятал подарок за пазуху. Мигом угрелся щенок и уснул. И всю дорогу до дому спал, иногда шевеля во сне лапами и острыми коготками царапая Сашку.

Поздно добрался Сашка до дому. Было тихо в селе, в молочном тумане оно укрылось. Темнота...

Мать не спала, ждала сына. Чуть ступил на крыльцо—мать с печки долой, зажгла пятилинейную лампу; звякнув заслонкой, стала доставать из печки чугунок с супом и картошкой, добавила углей в самовар, тот потихоньку запел, замурлыкал.

— Мам, посмотри, что мне подарили! — сказал Сашка и вытащил из-за пазухи на половик щенка.

Тот закрутился на месте, заскулил, сбежал с половика на пол, присел и пустил лужу. Мать подошла с тряпкой, подтёрла и сказала:

— У твоего отца давным-давно была собака охотная. Бойкой кликали. Тогда мы за Чудославлем жили, на охоте погибла она, а отца спасла от шатуна. Давай

Бойкой и назовём. |

- А она и на самом деле бойкая, — не сразу откликнулся Сашка. - Глянь, как бойко в тряпку вцепилась, аж урчит. Бойка!

Так и есть Бойка!

К шести месяцам из бойкого забияки-щенка выросла красивая шустрая собачка-лайка. Рано Сашка начал брать ее в лес. В лесу она чувствовала себя лучше, чем дома. Однажды утром, когда было прохладно и роса ещё не обсохла, взял Сашка корзинку под белые грибы и свистнул с собой Бойку. Дошли до ёлок и вдруг Бойка заходила под ёлками, шумно вдыхая воздух, «занюхрила» и понеслась на галопе к группе молодых ёлок, усыпанных крупными зелеными шишками. Там она провизгнула, а затем звонко залаяла.

«Пустяки,—подумал Сашка. — Не может она так рано найти сама белку: молода ещё». Позвал он Бойку, но та не отходила от елей и звонко, злобно, закинув голову вверх, лаяла.

«Надо идти самому»,—решил Сашка. И побежал к ёлкам. Бойка стояла шагах в шести от густой ёлки и лаяла. При подходе Сашки завилыла хвостом и смолкла, но неотрывно смотрела на дерево. И Сашка, проследив её взгляд, увидел в пяти метрах молодую белку. Она сидела на сучке и «цокола» на собаку.

Сашка не выдержал, схватил Бойку в охапку и расцеловал в холодный мокрый нос, приговаривая: — Молодчина, Бойка, молодчина!

Да, отлично послужила она ему два года. Когда шёл лесом во время охоты, ничто не могло укрыться от её чутыстого носа, от взгляда её зорких тёмно-карих глаз, от трепетно отзывающихся на всякий шорох ушей.

У Сашки иногда уже ноги гудели от усталости, а Бойке хоть те что: знай, круг за кругом описывает на галопе, да голос подаёт — только поспевай.

— Добычлива у тебя собачка, — завидовали Сашке те, что без собаки промышляли.

Два раза кто-то нагло воровал Бойку, когда Сашки не было дома. Да Бойка сама возвращалась то с обрывком верёвки, то с тяжёлой цепью.

Так и отступились завистники от нее. Мать к тому времени умерла, и Сашка хозяйствовал дома один.

Заколотил Сашка окна, дверь запер на замок, ключ с собой взял. С соседями попрощался и зашагал с Бойкой...

Остаток дня провёл с племянником. Лук и стрелы смастерил ему, удочки наладил. Сходил с ним на рыбалку. Один голавлик покрупней попался, а то всё пескаришки, да синьки с ершами...

Бойка спокойно сидела на цепи. Ей, видимо, понравилось на новом месте: не так просторно, как на дворе у Сашки, но сухо, светло и соломы достаточно.

Сашка и виду не подавал, что скоро оставит Бойку, а на сердце кошки скребли.

Кое-что поделал по хозяйству: сменил подгнивший столб в изгороди, насвистывая «Катюшу», переколол дрова и уложил под навес в поленницу. Вечером посидели за самоваром втроём. Вспоминали Петра, мать...

Сашка встал, передал ключ от дома Катерине, убрал берданку и охотничьи припасы на полати в чистом мешке, зашитом дратвой.

—Если что, Катя, пусть Шурик пользуется, когда подрастет, как-то необычно серьёзно сказал Сашка.

Легли рано...

Утром Сашка выпил стакан молока вприкуску с пирогом. Одедся. Закинул за плечи мешок с парой чистого белья и подорожниками, что собрала Катерина.

—Ну, Катя, прощай. Береги Шурика и Бойку,—он притянул её к себе и бережно трижды поцеловал в губы. Племянника будить не стал. Вышел двором, чтобы Бойка не видела...

Через две недели Бойку спустили с цепи. Она обежала вокруг дома, затем припустила в деревню. Хозяина нигде не было. Скотный двор, конюшня, птичник, школа, сельсовет— всё было обследовано ею...

Вернулась она к обеду, подбежала к крыльцу, прижалась к ноге Шурика. Тот погладил её, почесал за ухом. Сказал: Бойка, на место!

Та тотчас же забралась под крыльцо, поглядывая оттуда настороженно, недоверчиво...

Теперь каждое утро Шурик отпускал Бойку побегать. Она обегала деревню, особенно нравилось ей бывать на конюшне. Но через час она была уже дома и ложилась на землю перед крыльцом или забиралась (если шёл дождь) под крыльцо.

Шурик менял подстилку, кормил её вечером, как наказывал дядя.

От Сашки лишь через месяц пришло письмо, что он учится на снайпера и скоро сам будет бить ненавистных фашистов.

Особый привет передавал он Бойке...

Шёл уже октябрь. Бойка начала беспокоиться: её тянуло в лес, на охоту. Она иногда подбегала к Шурику, просительно смотрела ему в глаза, виляла хвостом и тихонько взлаивала, точно хотела сказать ему: «Бери ружьё. Пойдём в лес».

Шурик гладил её и говорил ласково:

— Не печалься, Бойка. Мы пойдём с тобой на охоту.

Она легонько прихватывала зубами полу курточки и тянула Шурика за собой, к лесу. Уговоры на неё не действовали.

— Ну что с тобой поделаешь, — отбивался Шурик. — Надо идти.

Он брал лук и стрелы, мешок под рябину и отправлялся за Бойкой к сосновому лесу, что был рядом с деревней.

Ещё он и половины пути не доходил, а Бойка уже оглашала звонким лаем сосняк. Мальчику приходилось бежать к тому месту, где она лаяла; останавливался он возле дерева, чтобы перевести дух.

Бойка стояла в нескольких шагах от сосны, упорно глядела куда-то вверх и не переставала лаять. Шурик напряженно всматривался в то место, куда указывала Бойка, и, приглядевшись, замечал зверька, плотно припавшего к стволу сосны. Радость охватывала его. Он обнимал Бойку и восторженно вопил:

— Умница, Бойка!

От крика зверек прыгал с дерева на дерево, а внизу, словно птица в полете, мчалась за ним Бойка.

У Шурика от радости голова шла кругом, он тоже бежал вдогонку, но где там догнать малышу тренированную собаку и стремительную белку.

Когда зверек западал, прятался на дереве, Бойка вновь неистовала, наполняя сосняк звоном своего голоса.

Но ни разу не поднялась рука Шурика с луком на безобидного зверька. Он уговаривал Бойку:

— Иди! Ищи белку!

И той ничего не оставалось делать, как находить следующую. Случалось, она разыскивала их пять-шесть за день. Шурик тогда ещё не знал, что здесь живёт целый выводок белок. Он изрядно уставал. Брал Бойку на поводок и шёл с ней к оврагу, где, привязав к стволу, влезал на рябину и, обламывая спелые кисти с веток, бросал их вниз, на землю...

С середины октября начались ночные заморозки, так что промерзли малые лужи, а затем и снег не задолил. Шурик с Бойкой к тому времени стали

неразлучными друзьями.

Дел у Шурика было не так-то много: наносить воды с колодца, дров для печек, сходить в магазин за хлебом, к соседям за молоком, накормить кроликов, убрать у них в клетках, дать корму синице и снегирям, погулять с Бойкой, вечером вынести ей еды. Вечером мальчик с час делал уроки.

Друзья-приятели звали его лепить снежную бабу, кататься на коньках на омут, что раньше всех замерзал на реке, посмотреть на жеребят в конюшне, но Шурик отнекивался:

— Не, не охота. Не, не пойду. Не, не интересно.

И ребята от него отступались.

От дяди Саши пришло ещё письмо-треугольник с фронта. Он писал на этот раз, что бьет фашистов, что очень скучает и хотел бы повидать всех их.

Катерина прослезилась, но сразу же ответила на письмо, где обо всём подробно написала и особенно хвалила Бойку за ее хорошее влияние на Шурика.

Пришёл лютый декабрь. Поговаривали, что под городом у салотопки появились волки, что они, якобы, забежали из далёких лесов, где шла война.

Снегу становилось всё больше. В середине января ударили крепкие сорокаградусные морозы. И хоть ярко светило солнце, но ветер был такой сильный, что дышать было трудно, когда Шурик поехал на лыжах в лес за можжевельными ягодами, потому что рябина кончилась. Он не завязал шапку на подбородке, как обычно, и на обратном пути не заметил, что обморозил уши. Они дали себя знать, когда Шурик, пустив клуб холода в комнату, стал раздеваться. Уши защипало, задрало. Он не заревел, но когда Катерина, охнув, стала смазывать их гусиным жиром, шептал:

— Мам, потише!

Он сидел на печке, постепенно нагреваясь после стужи и приходя в себя, а уши наливались болью, как водой, казались толстыми и висячими, словно у слона. Они ныли непрерывно, их будто кто дергал изнутри, и от этого всего у Шурика разболелась голова.

Бойку с собой в лес Шурик в такой мороз не взял, пожалел. Она обиделась на него и ушла в самый дальний угол. Когда мать вынесла ей еду (Шурик не мог из-за ушей), Бойка даже не подошла на зов.

Катерина подождала-подождала да и ушла. А дверку оставила открытой.

— Ладно, завтра утром закрою, когда рассветёт, - решила она.

Под утро Катерина с Шуриком, только что задремавшим, проснулись от пронзительного визга. Вскочили и не одетые к окну. Да что в такую темь увидишь. Визг не повторился. У Шурика от предчувствия беды стало как-то не по себе на сердце.

- Мам, может с Бойкой что? - спросил он, теряясь в догадках.

- Знаешь, сынок, я дверку вчера вечером не закрыла.

Шурик раздетый выскочил на крыльцо. Уши словно обожгло, но он не чувствовал боли. |

— Бойка! Ко мне!

Бойка не появилась на зов.

Шурик на улицу. Крикнул, что было сил:

— Бойка! Бойка!

Бойки нет. Шурик бегом домой.

Мама! Беда: Бойка пропала! — прокричал он с порога.

Катерина молча зажгла фонарь, помогла одеться сыну, и они выбежали на улицу.

Луч фонаря осветил полузанесённый след Бойки от крыльца к калитке.

Они пошли, проваливаясь, по следу. След вёл к колодцу. У колодца след пропал...

Растерянные, они долго стояли, вслушиваясь в предутреннюю тишину, нарушаемую шорохом снега.

Затем начали звать, что было сил:

— Бойка! Бойка!

Напрасно.

Подавленные, поддерживая друг друга, медленно побрели они к дому, не замечая, что снег сыплется через верх в валенки.

Вошли в дом, не закрыв двери на запор, не отряхнув снег с валенок. Сели, прижавшись друг к другу, на лавку.

Чуть забрезжило, и они уже не могли больше сидеть дома. Вот и колодец. Что это?

Снег у колодца и дальше притоптан почти до земли, то там, то тут вмерзли в него клочья чёрной и серой шерсти. И кровь - ледяшки крови...

Всё обильнее кровавый снег, всё чаще чёрная шерсть попеременно со снегом, всё реже серая...

И вот только один крупный, полузаметённый позёмкой волчий след пошёл на махах от места битвы, а с правой стороны от него застекленели капли кровли.

Шурик, не дожидаясь матери, бросился домой, схватил лыжи и побежал по следу. А в голове одна мысль: «Волк загрыз Бойку!»

След волка местами замело, но на поле перед лесом кой-где сидят вороны и сороки на следу, при появлении Шурика неохотно взлетают.

Шурик бежит по следу. Вот и лес. Тут след словно напечатан. Волк тонул глубоко: ноша была тяжела.

Перелесок. Другой. Снова лес.

Полянка недалеко от опушки. И на ней снежный бугор. Такой высокий, такой безмятежный. Вокруг бугра волчий след.

Чисто. Бело. Ни кровинки.

И что-то заставило Шурика остановиться возле, взглянуть пристальнее: «Нет. Ничего нет. Показалось... Но почему же след волка не так глубок?»

Опёрся Шурик лыжными палками о бугор. Снег, шурша, стал осыпаться...

Перед ним... Бойка!!!

Сбросил Шурик лыжи и, распластавшись на снегу, прильнул к ледяной голове Бойки...

